

М. Горький

Жалобы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Г71

Г71 **Горький М.**
Жалобы / М. Горький – М.: Книга по Требованию, 2021. – 38 с.

ISBN 978-5-4241-2751-9

Один из самых популярных авторов рубежа XIX и XX веков, прославившийся изображением романтизированного деклассированного персонажа («босняка»), автор произведений с революционной тенденцией, лично близкий социал-демократам, находившийся в оппозиции царскому режиму, Горький быстро получил мировую известность.

ISBN 978-5-4241-2751-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© М. Горький, 2021

Горький Максим
Жалобы

А.М.Горький

Жалобы

I

Мой собеседник - офицер, он участвовал в последней кампании, дважды ранен - в шею, навылет, и в ногу. Широкое, курносое лицо, светлая борода и ошипанные усы; он не привык к штатскому платью - постоянно оглядывает его, кривя губы, и трогает дрожащими пальцами чёрный галстук с какой-то слишком блестящей булавкой. Подозрительно покашливает, мускулы шеи сведены, большая голова наклонена направо, словно он напряжённо прислушивается к чему-то, в его глазах, отуманенных усталостью, светится беспокойная искра, губы вздрагивают, сиповатый голос тревожен, нескладная речь нервна, и правая рука всё время неутомно двигается в воздухе.

- Чудесно! - говорит он, положив ладонь на стол, - маленький стол наклоняется, поднос с чашками и стаканами едет к нему на колени. - А, чёрт! Извините. Хорошо-с, чудесно! Значит - народ? Не верю!

Дёрнув головой вверх, он сечёт рукой воздух, как бы отрубая что-то, и внушительно продолжает:

- Я служу одиннадцать лет, я-с видел этот самый ваш народ в тысячах и в отборном виде, так сказать, всё экземпляры в двадцать - двадцать шесть лет - самые сочные года - согласны? Так вот-с - не верю!

Он пристально смотрит в лицо мне, усмехаясь тяжёлой, тоскливой улыбкой.

- Вы думаете, я скажу - глуп? Ах, нет, извините, он не глуп, - ого! Очень способные ребята, да, да, очень. Даже эти татары и разная мордва отнюдь не глупы и превосходно шлифуются в строю среди русских. Но всё это народ, который не чувствует под собою земли - не в каком-то там революционном или социальном смысле - в этом смысле у него земля есть! И работать он на ней мог бы! Китайцы, батенька мой, на площади в десять сажен квадрата кормятся превосходно, э-э? Нет, это вы сочинили насчёт земли и прочее, это вы - чтобы подкупить его! Земля у мужика есть в этом смысле, в почвенном, хозяйственном. Но у него нет земли в... как это сказать? в духе, что ли бы? У него нет ощущения собственности, понимаете? Он не чувствует России, русской земли, вот в чём суть! Спросите мужика - что такое Россия? Ага! У русского мужика нет ощущения России - вы это понимаете? Он, например, скверно работает, как доказано, он и сам знает, что работает хуже, чем мог бы. Почему? А зачем работать хорошо человеку, который не знает, кто он, где он и что с ним завтра будет, - зачем? Ему - лишь бы покормиться. Он и не живёт, а - кормится... Больше ничего! Позвольте, дайте сказать!

Он поднял обе руки к небу, надул щёки и несколько секунд помолчал, словно молясь в отчаянии.

- Я знаю - вы хотите сказать: образование, культура и так далее. А зачем ему образование и культура, если он не имеет угла, нет у него... пункта, куда он мог бы приложить эту культуру вашу? Он - ничего не хочет, он не любит учиться, не нужно ему это... не нужно!

Быстро выпив стакан вина с водой, он продолжал торопливо, точно усталый раздевался, чтобы поскорее лечь.

- Весь русский народ - нигилист, - резко? Верно-с! Он ни во что не верит. Он

- в воздухе висит, народ этот. Он? Самый противогосударственный материал, и никакого чёрта из него не сделаешь, хоть лопни. Дресва. Рыхлое что-то, навеки и век века - рыхлое...

Видимо, он много думал о том, что говорил, и, хотя его слова были истёрты, безличны, стары, но в голосе и в каждом жесте чувствовалась та сила убеждения, которая даётся многими бессонными ночами, великой тоской о чём-то, чего страстно хочется, но что, может быть, неясно сознаёт человек.

- Мне кажется, - говорил он, дёргая шеей и прикрыв глаза, - что я однажды видел весь народ в аллегорическом человеке - в запасном солдате, новгородце. Станный случай, знаете, но бывает это - перейдёт вам однажды человек дорогу, а вы помните его почему-то всю жизнь. Так и тут - мне пришлось быть в Старой Руссе, во время мобилизации; стою на платформе, сажают солдат в вагоны, бабы режут, пьяные орут, трезвые смотрят так, точно с них кожу сдирать будут через час. Сразу, знаете, видно, что народ, понимаете - народ! - собирается защищать свою страну от коварного врага и так далее. Чёрт! Между прочими прискорбными рожами вижу одну - настоящий эдакий великорус: грудища, бородища, ручищи, нос картофелиной, глаза голубые и - это спокойное лицо... эдакое терпеливое, чёрт его возьми, лицо, уверенное такое... уверенное в том, что ничего хорошего не может быть, не будет никогда! Держит за плечо свою оплаканную, раскисшую в слезах бабенку и внушает ей могильным голосом, но - спокойно, заметьте, спокойно, дьявольщина, внушает, кому что продать, сколько взять и прочее. Никаких надежд на возвращение, видимо, не питает, и не мобилизация это для него, а - ликвидация жизни, всей жизни, понимаете! Очень приятно видеть эдакое... этот анафемский фатализм, с которым человек отправляется на бой, на борьбу! Вы понимаете - фатализм и борьба, а? Соединение огня с водой дает пар, а тут уж чистый нигил! Нуль, дыра бездонная! Я ему говорю: "Что ж ты, братец мой, так уж, а? Отправляешься на эдакое дело, а духа - никакого! Надо, братец мой, дух боевой иметь, надо надеяться на победу и возвращение домой со славой! Надо, мол, исполнять долг с жаром, с огнём и страстью! Для родины это, пойми..." - "Мы, говорит, ваше благородие, это понимаем! Мы, говорит, согласны исполнить всё, что прикажут". - "Да ты, говорю, сам-то как - хочешь победы?" - "Нам, говорит, не то что победа, а хоть бы и совсем не воевать". Тьфу! Тут его унтер пихнул в вагон.

Офицер волновался почти болезненно: на лице у него выступили багровые пятна, щёки дрожали в нервных гримасах, в глазах неукротимо разгоралась скорбь, и правая рука билась в воздухе, как разбитое крыло большой раненой птицы.

- Чудесно! Подал я прошение о зачислении добровольцем в действующую армию, зачислили, дали роту, еду догонять её. Догнал в Челябине, смотрю этот новгородец тут. Ба, думаю.

Почему-то сделал вид, будто не узнаю его, а он сразу меня узнал и ест голубыми спокойными глазами. Неприятно это, знаете. Разумеется дисциплина, полное подчинение начальнику - это необходимо, но - вложи сюда немного своей души, своего разума, не садись ко мне на плечи, не выдавай себя за дитя какое-то... Вообще - будь жив! Будь человеком несколько... сколько можешь! А так, знаете, когда на тебя смотрят двести с лишком пар голубых глаз и каждая без слов говорит - делай со мной, что хочешь, - мне всё равно... это, знаете, ни к

чёрту не годится! Это сразу налагает на вас как бы тяжелейшие цепи ответственности за всех и каждого... это уж требует Наполеона, которому тоже всё равно! Наполеон - с единицами и сотнями не считается. Наполеон живёт Францией, ради Франции. Среднему человеку - не по силам такое отношение к нему двух сотен взрослых людей, хотя бы он и жил Россией. Я, впрочем, не знаю, что такое - средний человек, может быть, лучше, чтоб его не было. Чёрт знает... вот я, например, люблю Россию, сердечно люблю, ей-богу, желаю ей славы, богатства, счастья, готов на всё для этого... что там! Но - что же я всё-таки могу? Средний человек, я иногда с изумительной ясностью чувствую, что у меня нет головы, нет мозга, - понимаете? Это не смешно. То есть идиоту или нахалу это может показаться смешным, но - идиоты и нахалы всё-таки, мне кажется, ещё не большинство населения империи нашей. Да, так вот: голова, а в ней что-то шевелится, словно кошка играет клубком серых ниток и перепутала их, дрянь эдакая! Разве это - смешно? Эх, батенька, чёрт его знает как иногда жалко себя и всё это вообще... всю эту жизнь... Я, знаете, консерватор, в Европы не верю, - впрочем, я не знаю, во что верю... я простейший консерватор, черносотенец, по газетам. Но иногда вдруг мне кажется, что я отчаяннейший революционер... да! Революционер, потому что всех жалко: всех этих средних, ошарашенных людей, которые делают революции, реакции, погромы и всякие гнусные штуки в обе стороны, направо и налево. Потому ясно видишь - всё это на песке, всё в воздухе: в России нет фундамента духовного, нет почвы, на которой можно строить храмы и всякие дворцы разума, крепости веры и надежды, - всё зыбко, сыпуче, всё дресва и - бесплодно. Хочется сказать какое-то слово - братцы, что вы делаете? А вдруг они спросят - что надо делать? Издыхаешь в тоске и - молчишь. Такая страшная скорбь схватит за сердце, так нестерпимо жалко Россию эту - кричать хочется, орать, бить башкой об стену... Стена - живое человеческое тело, в случае, о котором вся речь, - это моя рота.

- Еду я с ней по Сибири - смотрю, какой хороший, серьёзный народ! Немножко печальны, подавлены - это допустимо, это естественно, я понимаю, бог мой! Обо всём, что касается деревни, судят резонно, ясно, с глубоким знанием дела. Но! Сейчас же является эта окаянная петля, это кольцо - чёрт его знает, что оно такое - нигилизм, фатализм восточный? Жалуются мужик овраги одолели, рвут и рвут пашню. Укрепи! Да как его укрепишь? Научись! Молчат. Вздыхают.

- В вагоне грязно, накурено, насорено - если не указать на это, они не видят, расковыривают зачем-то скамьи, соскребают со стен краску, плюют куда попало. Отношение ко всему - мерзейшее: на станциях отламывают крышки кадок с водой, чёрт знает зачем хлопая ими во всю силу; ломают деревья, гадят везде безобразно и вообще имеют вид чужих людей в чужой земле. Так себе проезжают мимо. Мимо! Дорогой приходилось разговаривать с ними и, знаете, хотелось! Ведь с этими людьми назначено мне жить и умирать, я должен руководить ими в борьбе против врага и прочее... До некоторой степени я зависим от них. "Итак, ребята, говоришь им, мы едем защищать Россию". Смотрят внимательно, а глаза - чужие, и нельзя понять, что, думают эти люди. "Вы понимаете - что такое Россия, родина?" - "Так точно", - говорят некоторые. "Что же такое родина, Швецов?" - это тот самый новгородский, голубоглазый. Надо вам сказать, что он сел мне в голову сразу и глубоко... да я уж говорил это! "Ну, Швецов?" - "Никак

нет, ваше благородие!" отвечает он - правдиво говорит, чёрт побери, сразу видно, что от души. Надо объяснять. А признаться, я сам до той поры об этом предмете не думал: Россия, ну и чудесно! Границы такие-то, царствующий дом, армия и прочее. Не более. Но о том, что армия из народа выщелена, и о том, что такое этот народ по своему духовному строю, - не приходилось думать... "Русский народ добродушен и белокур" - это я, конечно, знал, но что он не весь белокур и не совсем добродушен, это мне не приходило в голову. Чудесно. И вот, сидя на станции в ожидании дальнейшего движения, веду я речь о России, о её целях в Тихом океане - газеты я читал и насчёт Тихого океана что-то знал тогда. Говорю-с. Кончил. "Поняли?" - "Так точно, ваше благородие!" отвечают мне эти русские люди, которым необходимо выйти на берега Тихого океана, отвечают - дружно, а я вижу, что - врут: ничего не поняли и нимало не интересно им всё это. Швецов этот, так он, знаете, демонстративно ничего не понял: прижимает меня голубыми глазами своими в угол и, видимо, что-то хочет спросить, но - не решается, что ли. "Ты понял, Швецов?" - "Никак нет".

- "Почему?" - "Так что, ваше благородие, ежели взять всю землю, как волость, примерно, то хоша деревни разные, однакож мужики везде одинаковы, и все, стало быть, вроде как шабры на земле, а ежели деревня против деревни в колья пойдёт, то, надо думать, никакой жизни и выгоды никому не будет, а только драка и кровопролитие..." Ох!

Офицер схватился за голову и, качаясь, застонал.

- Ну - глупо же! Может быть, с вашей точки зрения но... очень добродушно и по-христиански, но ведь дико же это! Мертво это! Врёт ведь, чёрт его дерн, - пойдёт он в колья, ходил ведь против шабров и - пойдёт... И я вижу, что его - понимают, а на меня смотрят так, как будто хотят сказать: "Что, брат? Ну-ка?" Чужие, чужими глазами смотрят - желал бы я вам это почувствовать. Да-с! Но - бросим это, бросим! Я скоро прекратил свои беседы, потому что однажды слышу - говорят про меня эти люди:

- Ничего он, так себе, только - вот душу вытягивать любит. Присосётся и - сверлит языком, и сверлит! "Чёрт вас побери", - думаю. Да...

- Другой раз, во время стоянки, вижу - собралась кучка моих ребят, в середине - Швецов, на ладони у него - земля, он растирает её пальцами, нюхает, словно старуха табак, и говорит какие-то корявые слова. В чём дело? "А вот, ваше благородие, Швецов насчёт коства земли разьясняет". - "Что ты тут разьясняешь?" Он спокойно - спокойно! - начинает говорить незнакомыми мне словами о земле, которая как-то там землится, о землистой земле, о землеватости, и все с ним соглашаются, а я ничего не понимаю, и все это видят. Начинаю я свою речь о необходимости защиты земли, боя за землю, а они мне: "Мы, говорят, за неё, ваше благородие, всю жизнь бьемся, мы её защищать готовы!" Выходило смешно, жалко и досадно.

- Одним словом, мне вскоре стало совершенно ясно, что я еду драться, с людьми, которые не понимают, зачем нужно драться. Я должен внушить им боевой дух... должен! Они же не верят ни единому слову моему, и как будто в глубине души каждого живёт убеждение, что эта война - мною начата, мне нужна, а больше - никому. Иногда очень хотелось орать на них. А главное этот спокойный Портнов... Швецов - смотрит и - молчит. Молчит, но рожа такая - на всё готовая: я, дескать, всё сделаю по твоему приказанию, всё, что хочешь, но

мне - ничего не надо, я ничего не знаю, и отвечай за меня ты сам.

- И вот с этими на всё по чужому приказанию готовыми людьми попал я в свалку: наш батальон прикрывал отступление из-под Мукдена, сижу я со своей ротой в кустах и ямах на берегу какой-то дурацкой речки; вдали, по ту сторону, лезут японцы - тоже очень спокойные люди, но - с ними спокойствие сознания важности того, что они делают, а мы понимаем свою задачу как отступление с наименьшими потерями.

- Береги патроны, - говорю я своим. Берегут. Оборванные, грязные, усталые, невыразимо равнодушные, лежат и смотрят, как там враг перебегает поле цепь за цепью, быстро и ловко, точно крысы... Где-то сзади нас действует артиллерия, справа бьют залпами, скоро и наша очередь, дьявольский шум, нервы отупели, голова болит, и весь сгораю, медленно и мучительно поджариваясь, в эдакой безысходной, ровной, безнадежной злобе.

- Сзади меня убедительно спокойный голос Швецова слышу: "Народ лёгкий, снаряжение хорошее, а главнейше - свои места, всё наскрозь они тут знают, каждую яму, всякий бугорок - разве с ними совладаешь? И опять - на своём месте человек силен, на своём-то, на родном, он - неодолим, человек этот!" Люди сочувственно крикают и сопят, слушая его рассуждения.

- Ну, знаете, я сказал этому господину, что если он не перестанет, так я его - и приставил к деревянной роже револьвер. А он вытаращил голубые свои глаза по обеим сторонам дула и говорит:

- Зачем же вашему благородию трудиться, меня и японец убьёт!

- Стало мне стыдно, что ли... и не знал бы я, как выйти из дурацкого положения, но тут явился приказ - отойти нам глубже. Отошли, как и пришли, без выстрела, и вообще мы - моя рота - некоторое время играла странную роль: всё водили нас с места на место, точно речи Швецова были известны высшему начальству, и оно, понимаете, заботилось поставить роту именно туда, где бы мои ребята почувствовали себя на своём месте. Ходим голодные, оглушённые, усталые, видим, как летают казаки, прыгает артиллерия, едут обозы Красного креста... Хорошо-с!

- Ночь пришла. Лежим в каких-то холмах, а на нас - лезут японцы. Лезут как будто не торопясь, но - споро, отовсюду, без конца. И вот вижу - это, знаете, как сон было: идёт полем к нам какая-то часть, а на правом фланге её вдруг вспыхивает огонёк, и я с ужасом вижу - освещённое этой вспышкой круглое монгольское лицо, - курит, дьявол! Зачем он закурил - я не знаю, было ли это сделано, чтобы доказать своим солдатам - вот, мол, как и храбр, или он обалдел от страха, но - курит! Со всех сторон жарят залпами, моя рота тоже, конечно, а эти идут, и, знаете, страшно медленно шли они, как мне казалось, изумительно! Как будто они там все знают, что их дело верное, беспроигрышное дело и торопиться - некуда. Конечно, на самом деле было иное, но мне так казалось, говорю я. И эта дьявольская папироса там, в темноте, горит, вспыхивает так ровно, уверенно и спокойно - видно, что она доставляет удовольствие человеку. В неё стреляют, и я советую - ниже брат, чтобы в грудь, в живот ему всыпалось несколько штукек, - идёт! И видно докурил, бросил в сторону, кругло эдак очертилась в воздухе огненная полоска. Вам это кажется несерьёзным, пустяками, ну - да, оно и несерьёзно, незначительно, оно просто указало мне, что я - не закурил бы перед тем, как командовать в штыки. У меня нет спокойствия, необходимого для того, чтоб

покурить перед смертью, нет уверенности, что... д-да... Я - чужой своим людям, и ни страх перед смертью, ни что другое не связывает их со мною. Мы люди разных племён по духу, они - солдаты, я - их начальник, больше ничего. Я их не понимаю, они - меня, нам друг друга не жалко, мы - сказать правду не любим и немножко боимся друг друга...

- Был случай: поймали китайца-шпиона, и вот - сидит он на земле, около него двое конвойных - Швецов этот и Хубайдулин, татарин. Слышу - Хубайдулин ведёт с китайцем вполголоса, на эдаком дурацком языке, дружескую беседу:

- Твоя земля хоруша есть...

Китаец отвечает, точно Швецов:

- Ваша моя чисто зорил - кончал моя.

А Швецов говорит:

- Мы, брат, тут ни при чём... Приказано - иди! Вот и пришли. Мы сами земляной народ. Мы понимаем. Мы - и так далее... совершенно в том тоне, как говорят мужики из рассказов старых писателей. И - врёт, наглайше врёт. Потому что мне лично слишком часто приходилось видеть, как они - не он, его я не обвиняю, - но вообще они, наши солдаты, зорили хозяйство маньчжур... без необходимости, бессмысленно и с какой-то тупой злобой. Вырубали десятки деревьев, когда нужен был один сучок, жгли фанзы, топтали посевы, ломали мебель... да, да. Всё это было, вы знаете, должны знать. Об этом ведь писалось много. Я повторю, что и дорогой в Россию они вели себя так же портили всё, что могли испортить. "Нищему - ничего не дорого" - есть корейская пословица, так вот... может быть, несколько оправдывает этих... У меня выболела душа и на языке вертятся слова, нехорошие, большие слова...

- Я слышу всё это и думаю: хорошо, милые мои. Всё это так, всё это похристиански, но - отдалённо от нас... Мы - воюем.

К вечеру дело этого китайца было решено; позвал я унтера и приказал:

- Возьми Швецова, Хубайдулина и - расстрелять шпиона!

- Пошли. Спокойно! Я, издали, за ними. Был вечер, половина неба в огне, около какой-то стенки стоял этот китаец, лицом к солнцу... рослый такой молодчина! Против него, затылками ко мне - эти двое. Выстрелили, китаец посунулся вперёд, точно кланяясь им - прощайте! - и упал, лицом в землю. Опустили ружья к ноге, стоят. Всё вокруг красное, и - они тоже. Там, знаете, закаты солнца всегда зловещие какие-то, точно оно, уходя, злобно грозит - спрячусь - навсегда! Навсегда!..

- Ночью этой не спалось мне. Играли в карты, скучно стало, бросил я, вышел. Долго ходил, как во сне, потом вижу - Швецов около какого-то дерева стоит и - молится. Так, знаете, согнул шею, как подъяремный вол, наклонил голову к земле и тыкает рукой своей в лоб, плечи, в грудь себе. Не торопясь. Услыхал мои шаги, обернулся, вытянулся. Подошёл я к нему - вижу парень как всегда, в порядке. Спросил о чём-то. "Так точно. Никак нет". Тогда я говорю в упор ему:

- Жалко китайца-то, а?

Подумав, отвечает:

- Маленько жалко будто.

- А не убить - нельзя ведь?

- Так точно.

- Почему нельзя?

- Как, значит, шпиён...

- И я чувствую, что он говорит то, с чем не согласен, что ответственность за эту смерть он целиком возлагает на меня, да, только на меня одного. Его деревянное лицо по-своему вполне красноречиво, и тупой этот, покорный, воловий взгляд - осуждает меня.

- Ах, я много мог бы рассказать мелочей, подобных этой, и не об одном Швецеве, конечно... Но это его молчание, его покорная готовность сделать всё, что прикажут, и во всём оправдать себя, и ото всего отодвинуться... он наиболее типичен... да.

- Видел я в Нагасаки одного француза - военный корреспондент он был, что ли, или какой-то агент. Бог его знает! Знаете, у французов есть такие лица - острые, точно чеканенные, - взглянешь на него и - думаешь: вот умный человек, прежде всего - умный. Как это у них - *spirituel, intelligent?* (Умный, интеллигентный - Ред.) Так вот, такой *spirituel* - стоит на перроне, сунув руки в карманы, и смотрит зоркими глазами сквозь пенсне, как наше пленное воинство садится в вагоны, и - насвистывает похоронный марш, чёрт побери! Да! Я подумал тогда - *fine l'alliance!* (конец союзу - Ред.) Какое удовольствие и польза быть в союзе с людьми, которых бьют, а они равнодушны? Которые не понимают, за что их бьют, за что они должны бить, и - вообще ничего не хотят понять? С той поры прошли годы, альянс существует. *Vive la France, vive la Russie* (да здравствует Франция, да здравствует Россия - Ред.) - всё в порядке! Но - поверьте мне, скоро мы останемся одни-одинёшеньки, представляя собою болото, которое будет ограждать Европу от нашествия монголов, как ограждало её в давние времена, и в этом наша роль вовеки и век века. И ограждать будем мы пассивно: дойдут до нас монголы и увязнут среди нас, точно в болоте, - вот так же, как мурдва увязла. Пессимизм? Нет. Просто я соприкоснулся со своим народом и стал фаталистом. Мы все - фаталисты, нигилисты - ах! Довольно...

...Знаете, иногда во время ученья ротного посмотришь на эту холодную стену чужих тебе людей и, тоскуя, пошutiшь:

- Эй, ты, фаталист, подбери живот!

...Как я попал в Нагасаки? Очень просто. Этот самый Швецев великодушно сдал меня в плен японцам. Именно - сдал. Случилось так, что меня ранили в шею вот и в ногу, да колено ушибли прикладом, что ли, ну - лежу я очнувшись, шея тряпками обмотана, ослаб, двигаться не могу. Утро, около меня, вижу, сидит этот герой и ещё двое лежат, все ранены. Мёртвых довольно много насыпано и наших и тех. Швецев хозяйственно обряжает чью-то голую ногу японским материалом, лицо у него тоже испорчено, в крови всё, на голове что-то вроде колтуна (плотный, слипшийся ком волос на голове Ред.). Спрашиваю - куда ранен?

Отвечает охотно так:

- В обе ноги, в бок да голову, ваше благородие!

"Отделался, слава тебе господи!" - подумал я тогда о нём.

Слышу - хрипит он:

- Покричать надо японцам-то, шли бы скорей, забирали нас, а то его благородию вредно лежать тут, как бы не помер.

Я не могу сказать ни слова, даже кровь изо рта не в силах выплюнуть. Ну, он и начал кричать, так, знаете, просто, по-новгородски, что ли:

- Эй, иди сюда! Эй!

И машет руками, точно приятелей зовет. Пришли приятели: эдакие аккуратенькие санитарики, один немного лопочет по-русски, Швецов ему объясняет: "Вот, говорит, офицер, подобрать его надо, перевязать..." Тот обошёл как-то во-круг Швецова и вежливоенько говорит: "Позвольте, сначала вас надо перевязать!" - "Нет, говорит, сначала его благородие".

И сказано это было как-то так, что в словах этих не почувствовал я жалости человеческой ко мне и не возбудили они во мне, в душе моей, ни тени благодарности...

Перевязали меня, дали чего-то глотнуть, положили и понесли. Легко раненные пошли со мной, а Швецов этот остался. Потом умер он в море, на транспорте, по дороге в плен.

Умирал деловито и спокойно, точно исполнял самое важнейшее своей жизни, а я наблюдал за ним, и - злила меня эта деловитость.

- Что, - спрашиваю, - не хочется умирать, Швецов?

- Дело не наше - божие...

...Я, кажется, не сумел обрисовать этого человека достаточно ясно... я не могу этого. Фактов - нет у меня... действий его я не знаю. Тут всё дело в спокойном взгляде эдаких бездонно голубых глаз... в одной их искре, которая порою вспыхивала где-то в самой глубине взгляда. Это - искра затаённого несогласия со мною, начальником, со всем, что я говорю, приказываю, в чём иногда пытаюсь убедить.

...Ложим, помню, в траншею, мороз, неистово садит ветер, где-то бухает артиллерия, и вся земля эта проклятая, напоённая нашей кровью, вздрагивает, гудит - у-у-у!

- Что, Швецов, холодно?

- Так точно, ваше благородие...

Спокойно говорит, спокойно, понимаете.

- Вот начнётся бой - теплее будет, а?

- Так точно. Перед смертью, конечно, ни жара, ни холод не страшны...

- Почему же перед смертью? Надо о победе думать, а не о смерти...

Молчит. И все, искоса поглядывая на меня, молчат. Солидно так молчат, точно камни.

Чувствуешь себя среди этих существ дьявольски одиноким и обиженным... Что-то ребячье шевелится в душе... в голову лезут странные мысли... хочется закричать этим людям:

"Братцы! Я тоже - русский... я ведь человек вашей земли... родные мои люди! В чём дело? О чём вы молчите?"

Они ёжятся, покрываются от холода и - смотрят вперёд, в холодный, сизоватый эдакий туман, где притаился враг. Спокойно смотрят, да.

Делается страшно. Не боюсь сказать - страшно...

Его измученное лицо перекосилось нервной улыбкой, усталые глаза полузакрылись, и, шевеля пальцами правой руки, он тихонько, хрипло продолжал:

- Надо что-то делать, государь мой... как вы думаете? Надо что-то сказать им... такое, что сдвинуло бы нас с этими людьми... надо же понимать свой народ! И - чтобы он тоже понимал меня... А иначе нельзя жить... право же нельзя!..

...У меня был вестовой Чухнов, пьяница и вор, заражённый сифилисом. Украл однажды сапоги мои - я его простил. Он продал татарину погони старые. Отодрал